

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398:81'255.4
DOI 10.17223/18137083/59/1

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Художественные приемы и стилистические средства в переводе фольклорного текста: к вопросу об эстетической функции перевода

Рассматриваются вопросы стиля перевода фольклорного текста и возможности применения в переводе художественных средств. В современной фольклористике вопросы фольклорного стиля изучаются широко, однако проблемы стиля перевода с точки зрения его художественного восприятия специально не исследовались. Показано, что стилистические приметы оригинала и переводного текста могут не совпадать, хотя это не делает перевод стилистически неудачным. Описаны основные художественные приемы, доступные переводчику фольклорного текста: маркированная лексика – книжные, диалектные, устаревшие слова, словотворчество, кальки; выразительные возможности синтаксиса при передаче усложненных и эллиптических конструкций, ритмизация поэтического текста.

Ключевые слова: перевод фольклора, стиль, вариация, стилистические средства, архаизмы, кальки, диалектизмы, ритмизация.

Эстетическая функция перевода фольклора важна для его восприятия: фольклорный текст чаще всего есть текст художественный¹ и в культуре, где он бытует, его художественная ценность осознается не меньше, чем практическая. Текст, не затрагивающий чувственную сферу, не будет запомнен и передан несмотря на всю его практическую нужность.

Перевод фольклорного образца в идеале преследует три цели: ознакомительную (представляет читателю новую для него традицию), аналитическую (позволя-

---

¹ Существуют фольклорные тексты, для которых эта функция не основная: мемораты, некоторые мифы и предания, поверья, запреты, часть обрядовых текстов, однако и в них в большей или меньшей степени проявляется эстетизация повествования – используются тропы, рифмы, параллелизм, вместе со словесным текстом бытует музыкальный напев.

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; limorenko.yulia@yandex.ru)

ет исследователю работать с текстом, даже не зная языка оригинала) и эстетическую (передает художественное впечатление от текста). В научном фольклористическом переводе упор обычно делается на вторую функцию, первая нередко тоже имеется в виду, а третья не всегда осознается как возможная и/или необходимая. Между тем наиболее удачные научные переводы вовсе не лишены эстетического компонента – примерами могут служить эпические тексты, изданные в серии «Эпос народов СССР» / «Эпос народов Европы и Азии», прозаические повествовательные тексты серии «Сказки и мифы народов Востока» и произведения, опубликованные в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Последняя серия особенно интересна для переводчика фольклора, поскольку, во-первых, двуязычная (национальный и русский тексты представлены параллельно), во-вторых, публикует образцы всех жанров сибирского фольклора (поэтических и прозаических), исключая малые жанры.

Стилевым характеристикам фольклорного текста как важной проблеме поэтики посвящено немало работ – это одна из наиболее изучаемых областей фольклористики. Характеристика стиливых черт фольклорных произведений дается во вступительных статьях к изданиям серий «Эпос народов Европы и Азии», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Выделены и описаны конкретные поэтико-стилевые приемы народной поэтики, в том числе с точки зрения их перевода (см., например: [Гацак, 1977; Кидайш-Покровская, 1977; Пухов, 1977; Кудияров, 2002]).

Собственно переводной фольклорный текст, в отличие от оригинала, своей стилистики не имеет; разница чисто научного (формального) и фольклористического (имеющего художественную функцию) переводов состоит не в их стиле как таковом, а в подходе к отображению стиля оригинала. Однако это не означает, что переводной текст должен быть безликим и формальным. Переводчик киргизской эпопеи «Манас» на русский язык Н. В. Кидайш-Покровская в статье, посвященной переводу эпоса, отмечает: «...перевод, сохраняющий характерные особенности подлинника, должен выполняться в том же стилистическом ключе, что и оригинальный текст, и при этом быть явлением русского языка» [Кидайш-Покровская, 1977, с. 129–130]. В задачи комплексного издания фольклорного текста, несомненно, входит публикация именно такого перевода, полноценного с точки зрения и русского языка, и стилистики оригинала. Приемам достижения этого эффекта посвящена настоящая статья, однако сохранение «того же ключа» в стилистическом плане во многих случаях затруднено по причинам, которые будут указаны ниже.

Мы попытаемся описать доступные переводчику методы передачи эстетического воздействия, которые продиктованы природой оригинального фольклорного текста и требуют только осторожного вдумчивого применения, чтобы не уничтожить художественный компонент народной поэзии и прозы.

1. На уровне лексики это, прежде всего, слова, маркированные стилистически, причем маркированность может быть любой.

1.1. В переводе вполне органично могут смотреться как высокие архаизмы, так и просторечные, областные слова, даже бранные выражения, если того требует оригинал. Разнообразие примеров использования высокой, сниженной и просторечной лексики дает перевод якутского сказания «Могучий Эр Соготох»:

Баһын бдьктара сытан,	...голову свою высунул,
Айаһын дьаллас гыннاران баран,	насть широко разевая ,
Саналаах-ингэлээх	человеческим голосом
Киһилии кэпсэллээх	стал говорить,
Буола сыппыта.	в море полёживая .

[Якутский героический эпос, 1996, стк. 5893–5897]

Отмеченные слова в современном русском языке стилистически маркируются как просторечие (*насть, полёживая*) и грубое просторечие (*разевая*). Применительно к персонажу эпоса – духу-хозяину моря – эти слова характеризуют как принадлежность его Нижнему миру, так и его неполное человекообразие, чудовищность.

Аай ийэ дойдубун	Когда <i>изначальную</i> мать-землю мою
Аан бастаан айар күннэригэр	Впервые <i>сотворяли</i> , –
Абыс иилээх-сабаллах	восьмибодной-восьмикрайней,
Атааннаах-мөнүөннээх	с <i>треволнениями</i> -беспокойствами,
Айгырдаах силиктээх	в роскошном наряде- <i>убранстве</i> –
Аба бараан дойдубун	<i>отчую</i> почтенную страну мою
Сол курдук айбыттар эбит.	вот такой <i>сотворили</i> , оказывается.

[Якутский героический эпос, 1996, стк. 131–137]

Слова *изначальный, треволнение* в словаре маркированы как книжные [Ожегов, Шведова, 2003, с. 241, 809], *сотворить* – как слово высокого стиля [Там же, с. 791], слова *убранство* и *отчий*, хотя они и не имеют специальных стилистических помет в словаре, мы выделили как редко употребляемые в современной книжной и разговорной речи. С помощью этих слов передается общий торжественный стиль фрагмента описания Средней земли.

1.2. В этом же фрагменте используются вновь созданные слова по образцу якутских: *восьмибодная-восьмикрайняя* (земля). Этот сильный прием сразу обращает на себя внимание читателя, и тюркские языки дают немало возможностей для такого конструирования.

На этот интересный момент следует обратить специальное внимание. С точки зрения языка оригинала никакой стилистической маркированности здесь нет – это просто фольклорное слово, встречающееся во множестве эпических текстов. С точки зрения же русского перевода здесь возникает стилистический акцент – необычное для русского читателя слово становится приметой эпического стиля. При соблюдении чувства меры переводчик может пользоваться приемами словотворчества или калькирования, чтобы создать определенную атмосферу. Еще одним удачным примером такого калькирования может служить парное слово *зверовать-птицевать* в значении ‘охотиться на зверей и птиц’:

Јуу ползо, јууга да јүрер аргазы пар, Андап-куштап та јүретен салымы пар.	Случится война – могла воевать, [Но] <i>зверовать-птицевать</i> – [такую] судьбу имела.
--	---

[Алтайские героические сказания, 1997, стк. 168–169]

Слово *зверовать* – само по себе не калька, оно известно в русском языке, в том числе в сибирских говорах [Даль, 1994, с. 674; Словарь говоров..., 1999, с. 172] в значении ‘охотиться на зверя’. Парное слово *аңдап-куштап* калькируется в переводе с опорой на реально существующее русское слово – второй компонент кальки создается по модели первого.

Примеры словотворчества по образцу языка оригинала встречаем в томе, посвященном обрядовому фольклору эвенков:

Чйе чйечэми,
Дэкта дэначами...

Хвоинки *отхвоились*,
Листочки *отлиствились*...

...Ирэктэ ирэллэкин,
Болгиктал болгыллактын,
Чълбър чълбълдьялдактын...

...Когда лиственница *залистивится*,
Стланик *застелется*,
Берёзки *заберёзятся*...

[Обрядовая поэзия..., 2014, с. 208–211]

В эвенкийском языке от основ существительных с помощью глагольных формантов легко образуются глагольные формы. В русском языке такие формы образовывать сложнее, но возможно; моделью их образования в приведенном примере можно считать слово *застелется* – это не продукт индивидуального словотворчества, а литературное русское слово (от него и образовано слово *стланик*). По этой модели образованы формы *залистивится*, *заберёзятся*. Формы прошедшего времени *отхвоились*, *отлиствились* образованы по модели типа «отвоеваться», «отстреляться», «отмучиться» в значении ‘закончить делать что-либо’. Формы из эвенкийского текста воспринимаются как необычные, но вполне возможные с точки зрения системы русского языка; в русском переводе они отчетливо маркированы как выразительное словотворчество.

Похожий пример встречаем в другом эвенкийском обрядовом тексте – в запеве кругового танца «Дэвэ»:

Дэвэ-дэвэ, дэвэксэе!
Дэвэдэгэт сигйлэ!

Дэвэ-дэвэ, охру дайте!
Пойдем *охрить* в чашу!

[Там же, с. 294–295]

Название танца *дэвэ* происходит от эвенкийского *дэвэ-ми*, букв. ‘что-либо делать охрой’. Как пишет составитель эвенкийского тома Г. И. Варламова, «с уверенностью можно утверждать, что *дэвэ* был связан с ритуалом, где главным являлось действие – рисование охрой» [Варламова, 2014, с. 25]. В современном танце охра уже не используется, поэтому точное значение формы *дэвэдэгэт* истолковать сложно. В переводе выбран способ передачи этого довольно расплывчатого значения с помощью образования русского глагола по образцу эвенкийского: *охрить*.

1.3. Некоторые элементы образности оригинального фольклорного текста, сохраненные в точном (иногда и буквальном) виде в переводе, также придают окраску переводному тексту, хотя «тон» этой окраски будет иным, чем в оригинале. Подобный пример дает текст алтайского героического сказания:

Азулудаң адын мўнген,
Эргектўдиң тилин пўлер...

Ездила на коне *из клыкастых*,
Знала язык когтистых [зверей]...

[Алтайские героические сказания, 1997, стк. 163–164]

Образ клыкастого коня – примета эпического стиля знаменитого алтайского сказителя Алексея Калкина, свойственная именно его исполнению (см.: [Алтайские героические сказания, 1997, с. 92–93; Маадай-Кара, 1973, с. 74, 258; Алтай баатырлар, 2013, с. 98–99]). Кони богатырей обычно имеют неземное происхождение, поэтому обладают необычной внешностью и удивительными способностями. В алтайском тексте это сочетание маркировано как чисто фольклорное выражение; тем более оно оказывается маркированным в переводе. В этом случае все, что требуется от переводчика, чтобы сделать текст выразительным, – это не потерять образ и передать его как можно ближе к оригиналу.

Вообще, всякое слово, не типичное для нейтрального стиля речи, в переводном фольклорном тексте получает стилистическую нагрузку, будь то архаизм, необычный эпитет, калька лексической единицы из сибирских языков, продукт словотворчества, книжное, диалектное или просторечное слово.

2. На уровне синтаксиса изобразительные возможности перевода весьма широки с учетом того, что синтаксическая структура языков оригинала и перевода, как правило, сильно различается. Поэтому насколько бессмысленно и даже вредно имитировать синтаксис исходного языка, настолько гибкое использование возможностей русского синтаксиса позволяет достигать эстетического эффекта в переводе, не искажая сути оригинала.

Особенно заметен такой эффект в переводе поэтических произведений, где каждая строка с ее четкой синтаксической структурой самобытна и сама по себе, и в составе комплексов вариаций, где строки имеют параллельное строение.

Имеется три основных способа достичь художественного эффекта с помощью синтаксических средств: нарочито сложное, нарочито неполное строение предложения и разные виды синтаксической вариации.

Если сложная организация предложения (повторяющая оригинальную конструкцию) – обычно примета высокого стиля (преимущественно в эпосе и некоторых обрядовых текстах), то нарочито неполные предложения в оригинале встречаются, как правило, в текстах разговорного, обыденного стиля, включая и тексты лирических песен.

2.1. В повествовательном фольклоре приметами высокого стиля обычно отмечены легенды и предания о давних временах, иногда – мифы цикла творения (наиболее священные); предания и мифологические рассказы о повседневности, как правило, носят черты разговорной речи, иногда и просторечия.

Характерной чертой тюркского синтаксиса являются длинные сложные предложения с нанизанными независимыми оборотами. В русском переводе их часто приходится разбивать на более короткие и простые по структуре (иначе такую сложную конструкцию не сделать понятной), но увлекаться этим не следует, чтобы не отходить слишком далеко от принципа эквивалентности на уровне предложения. В русском предложении, сохраняющем осложнение (пусть и другой природы, чем тюркское), сложный синтаксис маркирован как отступающий от нормы и служит приметой стиля. В примере из тувинской легенды, выдержанной в торжественном стиле, оригинальный текст осложнен однородными деепричастными оборотами с формами на *-ун*. В переводе эти формы переданы разными формами русских глаголов:

Ол хэвээр-ле аал-коданы чок, аалдар аразынга аян <i>тудун</i> , тоткан черинге тос <i>хонун</i> , аштаан черинге алды <i>хонун</i> , Хемчик дургаар <i>чортун</i> чоруур Ак-Сал ирей дирти берген.	С тех пор <i>аала</i> -усадыбы не <i>имеющим</i> , между <i>аалами</i> <i>поющим</i> Белобородым стариком его звать стали. [Он] людей <i>радовал</i> , на музыкальном инструменте играя, где наедался – девять дней, где голодал – шесть дней <i>гостил</i> , вдоль [реки] Хемчик <i>ездил</i> .
--	---

[Мифы, легенды..., 2010, с. 92–93]

В примере одно тувинское предложение передано двумя русскими, и все же во втором из них (более длинном) сложный, иногда не вполне литературно правильный синтаксис указывает как на строение оригинальной фразы, так и на эпическую неторопливость повествования, его замедление во времени. В цитированном тексте эта неторопливость с повторами и вариациями противостоит энергичному началу текста, где динамично, в форме диалога, описывается действие, например:

– Мен база сыгыртыр кижиги болгай мен, ол ойнап оран чүвең унүнүң деп чүвезин, мени өөредип каайт, – дептир.

– Мында чүү болор, белен чүве. Ма, ойнап көр даан – дээш, ол кижиги тутсуң берген.

[Мифы, легенды..., 2010, с. 90–91]

Другой пример из того же источника показывает еще более сложную конструкцию (в переводе также разбитую на две части). Одно тувинское предложение, переведенное двумя русскими, занимает целый блок текста:

Эрген ойнааш, Ак-Ой чуртунун бай-байлаан, аңын-меңин, арга-ыяжын, оът-сигенин, аржан-суун, ара-албатызының, хөйүн **мактап**, угаан-сарыбылын, күчү-шыдалын **мактап**, улуг чурттуң чонун, байлаан удуртуп баштаар адазының соон салгаар сал-гакчы оолду адага, чуртка, чонга шаңнаан аныяк кадынның чараш-чаагайын **мактап иениң** ийи эмииниң сүдү бүдүн өртемчей кырында кижиги үрезин тоттуруп-өстүргенин **мактап**, тоолдап келир орта, хүн хөрөөп, дүш үези четкелек чорда, кадын ыглай каапкаш, кавайда оглун ап эмзире берген орда, хаан-авыгай кире моор-лап келген чүвең иргин.

[Там же, с. 96–97]

– Я ведь тоже умею *сыгыт* исполнять, как красив звук предмета, на котором [ты] играешь, меня научи, – сказал.

– Что ж, это легко. На, попробуй-ка поиграть, – сказал тот парень и вручил [инструмент].

С утра, играя, богатства страны Ак-Ой, зверей-птиц, леса-деревья, травы-сено, *аржааны*-реки, множество подданных **прославляя**, ум, мощь-силу [хана] **прославляя**, большой страны народ, богатством управляющего отца, красоту-доброту молодой ханши, подарившей отцу, стране, народу наследника, потомка-мальчика, **прославил**. [Когда] молоко двух материнских грудей, во всей Вселенной людей вскормившее-вырастившее, **прославил**, сказку рассказал, солнце взошло, когда время подходило к обеду, ханша всплакнула, из колыбели сына взяв, стала кормить грудью, в это время хан пожаловал, оказывается.

Периодические повторы нарушают литературную русскую норму, однако здесь служат действенным средством объединения длинного предложения, чтобы его смысл не ускользал от читателя. Длинный ряд вариаций в первой части предложения, переданный по-русски (как и в оригинале) однотипными конструкциями, несколько нарушает литературный порядок слов: в русском деепричастном обороте деепричастие обычно стоит первым, а зависимые от него слова – за ним, в переводе сделано наоборот. Постановка глагольной формы в конце синтагмы имитирует тюркский синтаксис и, не мешая понимать смысл фразы, задает ритм всего длинного предложения. Огромная по сравнению с тюркскими языками свобода русского порядка слов позволяет создавать художественные обороты большой выразительности, при этом сохраняя некоторый аромат иноязычия.

2.2. Следуя за синтаксисом оригинала (в той мере, в которой это возможно без нарушения смысла), русский перевод может стать и более лаконичным, чем нормативная русская речь. Во многих языках Сибири именные и глагольные формы полностью включают в себя значения личности и притяжательности, поэтому местоимения при них не нужны; в русском языке употребление местоимений – литературная норма, а их отсутствие (допустимое с точки зрения сохранности смысла) воспринимается как маркированность:

Бэюнэ-гу вамй, хунтуе-гу бакамй – Лося ли добыл, другого ли кого на-
тоговй имтыдинэс, тадү гуннэкис... шел – огонь свой угостишь, тут скажешь...
[Обрядовая поэзия..., 2014, с. 150–151]

Опущенное в русском переводе местоимение «ты» придает всему предложению разговорный оттенок, что характерно и для текста оригинала – описание обряда угощения огня исполнено обыденным, простым языком без каких бы то ни было изобразительных средств. Для русского перевода намеренное опущение понятных по контексту слов – стилистический прием, имитирующий разговорную речь.

Пример синтаксической неполноты, не связанной с эффектом разговорной речи, – песня о верховом олене:

Сйммарйм сурукъявй,	Выбрала в приданое
Багдамава, алава,	Белого, пегого,
Халгарин нонимил –	Ноги длинные –
Аямама ичэдэн.	Красивый на вид.

[Обрядовая поэзия..., 2014, с. 200–201]

Контекст позволяет восстановить и опущенное местоимение «я», и определяемое слово «олень», к которому относится описание.

Другой аналогичный пример, где действующее лицо и объект действия улавливаются только по контексту:

Вамй, эмэнэ, эвэ дюлелин	Добыв, приходишь, перед бабушкой
нодагнанны.	брось его.

[Там же, с. 160–161]

Из текста в целом мы узнаем, что речь идет о добыче соболя, поэтому «он» – это соболь во всем тексте.

Для эвенкийского языка употребление личных и притяжательных местоимений необычно, они встречаются в речи в основном тогда, когда нужно подчеркнуть, кто именно выполняет действие: *Сурукол мбннйсинови, / Бй нян – мэннйшинэви* 'Уходи к себе, / А я – к себе' [Там же, с. 172–173].

2.3. Одно из универсальных средств организации фольклорного текста – вариация и параллельные конструкции, создаваемые за счет вариаций. Изучению вариаций в фольклоре (особенно в эпическом и обрядовом тексте) посвящено немало работ, в том числе совсем недавних (см., например: [Кудияров, 2002; Лиморенко, 2006а; 2006б; 2007; Конунов, 2013; 2014; Ойноткинова, 2014; Гриневич, 2016]).

Передача вариации самой по себе – задача достаточно очевидная, но подходы к этой задаче могут быть весьма различны. Можно формально передать строение варьирующихся фрагментов, не учитывая ни относительной длины строк, ни стройности синонимического ряда; полученный текст будет (возможно) понятен, но не эстетичен. К счастью, в серийных изданиях фольклора такой подход не встречается – в них переводчики бережно относятся к эстетической функции текста, вдумчиво подбирая языковые средства и создавая по-настоящему поэтические переводы. Покажем это на примере.

Один из признанных образцов удачного поэтического (не рифмованного) перевода эпоса, богатого вариациями, – алтайские сказания «Очи-Бала» и «Кан-Алтын», изданные в переводе З. С. Казагачевой [Алтайские героические сказания, 1997]. Важным условием успешности в этом случае была предварительная тща-

тельная текстологическая работа, проделанная составителем тома. Все случаи вариации были исследованы с точки зрения языковых средств [Каташев, 1997, с. 30–33], и в переводе их выбор был также подчинен строгим принципам.

Доля варьирующихся фрагментов в текстах алтайских сказаний необычайно высока, блоки вариаций могут насчитывать 20–30 строк подряд, поэтому точность передачи поэтического стиля здесь особенно важна.

Јер үстинин јетен каан јерин пүлер,	Знала она на земле владения семидесяти каанов,
Алтай үсти алтан каан алтайын пүлер.	Знала она на Алтае земли шестидесяти каанов.
Аткан огы таштан јанбас – солоон пүткен,	Пущенная ею стрела и камень пробьет – [такою] меткою рождена,
Айткан сөзи пийден јанбас – чечен пүткен.	Слово ее и пия проймет – [такой] речистою рождена.
Кирбиги јок паатыр полды, Киндиги јок кесер полды.	Богатыркой без ресниц была, Кесером без пуповины была,
Айткан сөзи от-алмыстый мысылдаган,	Речь ее – как алмазный высверк,
Көргөн көзи көрнөддий пу чагылган.	Видящие глаза ее – как всполохи пламени.

[Алтайские героические сказания, 1997, стк. 205–212]

Можно видеть, что в переводе не только весьма точно передана структура алтайских варьирующихся строк, но уделено большое внимание выбору языковых средств. В строках присутствует ритмизация: в полустроках [*такою*] *меткою рождена* – [*такой*] *речистою рождена* количество слогов равное (за счет использования форм *такой* / *такою*), а поскольку эти полустроки конечные, то и полные строки, несмотря на различие количества слогов, ритмизируются этими равными по длине окончаниями. Вообще по этому примеру видно, что в ритмизации и подчеркивании сходства варьирующихся строк конечные полустроки играют более существенную роль, чем начальные.

Удачный подбор слов на одинаковых синтаксических (варьирующихся) позициях создает русскую внутреннюю рифму *пробьет – проймет* (в оригинале она тоже присутствует, но эта рифма тюркская). Соседство редких слов *высверк* и *всполохи*, семантика которых связана со светом, дополнительно усиливает сходство строк. Кроме того, оба этих слова воспринимаются как стилистически маркированные (об этом говорилось выше в разделе 1).

В переводном тексте гибкость русского синтаксиса позволяет сделать его выразительным средством для передачи эстетического впечатления с помощью усложненных конструкций или подчеркнута неполной структуры предложения, а также за счет богатства вариаций (в последнем случае большую роль играет также вдумчивый подбор варьирующих синонимов).

Указанные приемы достижения эстетического впечатления не только доступны в рамках научной публикации, но и желательны с точки зрения передачи эстетической функции фольклорного текста, которая часто не получает достаточного отражения в научных публикациях.

Список литературы

Алтай баатырлар. Алтайские богатыри: Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2013.

- Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
- Варламова Г. И.* Обрядовый и песенный фольклор эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков. Новосибирск: Гео, 2014. С. 12–41. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32).
- Гацук В. М.* Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 182–196.
- Гриневиц А. А.* Устойчивые элементы поэтической системы обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: поэтическая формула // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 19–28.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А–З. М.: Терра, 1994.
- Каташев С. М.* Алтайский героический эпос // Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
- Кидайш-Покровская Н. В.* Перевод тюркоязычных памятников в Академической серии // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 128–166.
- Конунов А. А.* Репертуар вариационных параллелизмов в героических сказаниях Н. Улагашева // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 24. Новосибирск, 2013. С. 50–56.
- Конунов А. А.* Стилиевые приемы в героическом эпосе «Алтай-Буучай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 26. Новосибирск, 2014. С. 20–27.
- Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М., 2002.
- Лиморенко Ю. В.* Параллелизм строк в аспекте фольклористического перевода // Языки и литературы народов Горного Алтая: Междунар. ежегодник. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. ун-та, 2006а. С. 171–176.
- Лиморенко Ю. В.* Художественные элементы эпического текста в аспекте научного перевода // Эпический текст: Проблемы и перспективы изучения: Материалы I Междунар. науч. конф. 21–23 сентября 2006 г. Ч. 2. Пятигорск: ПГЛУ, 2006б. С. 20–28.
- Лиморенко Ю. В.* Проблемы перевода фольклорных произведений (на материале эвенкийского фольклора): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1973. (Эпос народов СССР).
- Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
- Обрядовая поэзия и песни эвенков. Новосибирск: Гео, 2014. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд, доп. М.: ИТИ Технологии, 2003.
- Ойроткинова Н. Р.* Поэтика шаманских призываний алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 10–16.
- Пухов И. В.* Научный перевод народного героического эпоса (На материале якутских олонхо) // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 167–181.
- Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999.
- Якутский героический эпос. Могучий Эр-Соготох. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; limorenko.yulia@yandex.ru*

**Artistic devices and stylistic tools in the translation of a folk text:
the problem of the aesthetic function of a translation**

The paper examines the problems of the style of translation of a folk text and the options for artistic devices to be used in translation. The research studies the texts published in academic bilingual series «Epos of the Peoples of USSR» (later «Epos of the Peoples of Europe and Asia» edited by the Institute of the World Literature of RAS) and «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East» (edited by the Institute of Philology of Siberian Branch of RAS). Used for illustrative purposes are prose and poetic texts and their translations from the volumes of the last-named series: «Myths, legends and stories of Tuvinians» (ed. 2010), «Altay heroic epics. Och-Bala. Kan-Altyn» (ed. 1995), and «Ritual poetry and songs of Evenki» (ed. 2014). In the folk studies, the questions of folklore style are widely researched but the problem of the style of translation of a folk text as a matter of artistic comprehension has not yet been described. It is shown that the stylistic marks of the original and translated texts may not be the same though that does not make the style of translation stylistically unsuccessful. Among lexical methods for achieving stylistic effects, the different types of connotative words are described. Words that are not stylistically unmarked may make the text informal, everyday-speech styled, or, on the contrary, elevated in style. The words and phrases common in original folklore language are understood as connotative, to some degree exotic, marked with national color. The translator is free to invent new words (for instance, calques), creating new lexical units following language patterns of the language of translation. Expressive functions of the Russian syntax aid to preserve the stylistic elements of the original text without hindering its understanding. The fact that the syntax structure of the original and translation language is usually very different, makes the uncommon syntax constructions used in the translation very expressive. The abundance of identic or similar word forms following one another reflects a specific rhythm of folklore language. On the contrary, elliptical sentences translate the simple, conversational style of the original. Rhythmization of poetic lines due to full or short word forms, synonyms, and variations reflects the poetic nature of a folk verse. The author concludes that any deviations from the neutral, unmarked style of translation make it expressive. It is desirable for an oeuvre of folk oral poetry as a literary text.

Keywords: Translation of folklore, style, variations, stylistic tools, archaisms, calques, regional words, rhythmization.

DOI 10.17223/18137083/59/1

References

Altay baatrylar. Altayskie bogatyri. Altayskiy geroicheskiy epos [Altay baatrylar. The Altay Bogatyr. Altay heroic epos]. Gorno-Altaysk, 2013.

Altayskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altay heroic epics. Och-Bala. Kan-Altyn]. Novosibirsk, Nauka, 1997. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 15 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15]).

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. T. 1: A–3 [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Vol. 1: A–3]. Moscow, Terra, 1994.

Gatsak V. M. Problema fol'kloristicheskogo perevoda eposa [The problem of folkloristic translation of epos]. In: *Fol'klor: Izdanie eposa* [Folklore: Edition of Epos]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 182–196.

Grinevich A. A. Ustoychivyye elementy poeticheskoy sistemy obryadovykh pesen medvezh'ego prazdnika kazymskikh khantov: poeticheskaya formula [The stable elements of the poetic system of ritual songs of the Bear Feast of Khanty of Kazym: the poetic formula]. *Siberian Philological Journal*. 2016, no. 4, pp. 19–28.

Katashev S. M. Altayskiy geroicheskiy epos [Altay heroic epos]. In: *Altayskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altyn* [Altay heroic epos. Ochi-Bala. Kan-Altyn]. Novosibirsk, Nauka,

1997. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 15 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15]).

Kidaysh-Pokrovskaya N. V. Perevod tyurkoyazychnykh pamyatnikov v Akademicheskoy serii [Translation of the Turcic-language folklore monuments in the Academic series]. In: *Fol'klor. Izdanie eposa* [Folklore: Edition of Epos]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 128–166.

Konunov A. A. Repertuar variatsionnykh parallelizmov v geroicheskikh skazaniyakh N. Ulagasheva [Varyating parallelisms in the heroic epics by N. Ulagashev]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. Vyp. 24 [Languages and Folklore of indigenous Peoples of Siberia. Iss. 24]. Novosibirsk, 2013, pp. 50–56.

Konunov A. A. Stilevye priemy v geroicheskom epose “Altay-Buuchay” [Stylistic tools in the heroic epos “Altay-Buuchay”]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. Vyp. 26 [Languages and Folklore of indigenous Peoples of Siberia. Iss. 26]. Novosibirsk, 2014, pp. 20–27.

Kudiyarov A. V. *Khudozhestvenno-stilevye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Artistic and stylistic traditions of the epos of Mongol-Language and Turcic-Language peoples of Siberia]. Moscow, 2002.

Limorenko Yu. V. Parallelizm strok v aspekte fol'kloristicheskogo perevoda [The parallelism of poetic lines in terms of folkloristic translation]. In: *Yazyki i literatury narodov Gornogo Altaya: Mezhdunarodnyy ezhegodnik* [Languages and Literatures of the Peoples of Gornoy Altay: International annual]. Gorno-Altaysk, RIO Gorno-Alt. gos. univ., 2006a, pp. 171–176.

Limorenko Yu. V. Khudozhestvennye elementy epicheskogo teksta v aspekte nauchnogo perevoda [Artistic elements of the epic text in terms of scholarly translation]. In: *Epicheskiy tekst: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy I mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 21–23 sentyabrya 2006 g. Ch. II*. [The Epic Text: Problems and perspectives of studying. Proceedings of the 1st intern. sci. conf. 21–23 Sept. 2006. Pt 2]. Pyatigorsk, PGLU, 2006b, pp. 20–28.

Limorenko Yu. V. *Problemy perevoda fol'klornykh proizvedeniy (na materiale evenkiyskogo fol'klora)* [Problems of translation of the folk text: based on Evenki folklore]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2007.

Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos [Maaday-Kara. Altay heroic epic]. Moscow, Gl. red. vost. lit. izd. “Nauka”, 1973. (Epos narodov SSSR [Epos of the Peoples of USSR]).

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends and stories of Tuvinians]. Novosibirsk, Nauka, 2010. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 28 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 28]).

Obryadovaya poeziya i pesni evenkov [Ritual poetry and songs of Evenki]. Novosibirsk, Geo, 2014. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 32 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 32]).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. dop.* [The explanatory Dictionary of the Russian language. 4th ed., comp.]. Moscow, ITI Tekhnologii, 2003.

Oynotkinova N. R. Poetika shamanskikh prizyvaniy altaytsev [Poetics of the shamanic invocations of Altaians]. *Siberian Philological Journal*. 2014, no. 1, pp. 10–16.

Pukhov I. V. Nauchnyy perevod narodnogo geroicheskogo eposa (Na materiale yakutskikh olonkho) [Scholarly translation of the folk heroic epos: based on the olonkho of Yakuts]. In: *Fol'klor. Izdanie eposa* [Folklore. Edition of Epos]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 167–181.

Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaykal'ya. Pod red. T. B. Yumsunovoy [The dictionary of dialects of Old-Believers (semeyskiye) of Transbaikal. T. B. Yumsunova (Ed.)]. Novosibirsk, Publ. House SB RAS, 1999.

Varlamova G. I. Obryadovyy i pesenny fol'klor evenkov [Ritual and song folklore of Evenki]. In: *Obryadovaya poeziya i pesni evenkov* [Ritual poetry and songs of Evenki]. Novosibirsk, 2014, Geo, pp. 12–41. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 32 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 32]).

Yakutskiy geroicheskiy epos. Moguchiy Er-Sogotokh [Yakut heroic epos. The Mighty Er-Sogotokh]. Novosibirsk, Publ. House SB RAS, 1996. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 10 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 10]).